
МУРЗИЛКА
№ 6
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
ИЮНЬ 1964

А. МИТЯЕВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

ШЕСТЬ ИВАНОВ — ШЕСТЬ КАПИТАНОВ

В шести разных странах жили шесть Иванов-капитанов. Все они носили тельняшки. Лодку они называли не лодкой, а ялом, компас не компасом, а компасом, скамейку не скамейкой, а банкой. Каждый из них, слушая сводку погоды по радио, обязательно поправлял диктора. Если диктор говорил: «Ветер северо-восточный», капитаны поправляли: «Ветер норд-ост». Если диктор говорил: «Скорость ветра двадцать метров в секунду», они тут же уточняли: «Шторм девять баллов».

А ещё жила на свете девчонка Ленка, которая любила рисовать. Как-то захотелось ей нарисовать лужок. Пошла она на лужок, села на травку, раскрыла альбом, взялась за коробку с красками и тут вспомнила: краски-то кончились! Тарелочки из-под красок чистые-чистые, будто котёнок языком вылизал.

— Ох, горе мне! — крикнула с досады Ленка. — Что же я теперь делать буду? Кто выручит меня из беды?

И только крикнула так Ленка, появились перед ней шесть мальчишек в тельняшках.

— Мы слышали сигнал «SOS», — сказали они. — Это ты, девочка, терпишь бедствие? Что случилось? Какая нужна помощь?

Удивилась Ленка, не поняла она, откуда взялись мальчишки: то ли из травы вылезли, то ли с неба свалились. «Может, я расстроилась сильно, — подумала девочка, — и в расстройстве проглядела, как подошли ребята?» И показалось Ленке, что у неё беда такая, что хуже не бывает. Тогда жалобным голоском она ответила мальчишкам:

— Я терплю бедствие. Краски у меня кончились, а магазин закрыт на учёт. Может, там до ночи учитывать будут, может, и весь завтрашний день... А вы кто такие и откуда взялись?

— Мы из разных стран, — ответили мальчишки. — Все мы Иваны-капитаны.

— Я Иван!

— Я Ян!

— Я Хуан!

— Я Жан!

— Я Ганс!

— Я Джон!

— Ох, Ванюшеньки милые, — обрадовалась Ленка, — выручите меня из беды, достаньте краски! Очень мне хочется лужок нарисовать.

— Есть! — ответили Иваны-капитаны. — Сиди здесь, скоро будут тебе краски. Дай-ка нам пустую коробочку.

— Я знаю, где жёлтая краска, — сказал Иван.

— Я знаю, где голубая, — сказал Ян.

— Я знаю, где оранжевая, — сказал Хуан.

— Я знаю, где красная, — сказал Жан.

— Я знаю, где чёрная, — сказал Ганс.

— Я знаю, где белая, — сказал Джон.

Отдали Иваны-капитаны честь девчонке и пошли. Пошли они и по дороге нашли старые ворота. Приладили к ним мачту, капитанский мостик — получился отличный корабль. Столкнули Иваны-капитаны корабль на воду, на мачте шесть флагов подняли и поплыли.

С капитанского мостика увидел Иван злого кашалота. Ушёл Иван от кашалота и привёл корабль в Жёлтое море. Зачерпнули капитаны жёлтой краски.

Капитан Жан между айсбергами проплыл и привёл корабль в Красное море. Зачерпнули капитаны красной краски. Поплыли дальше.

Капитан Ганс вовремя подводные скалы разглядел и привёл корабль в Чёрное море. Зачерпнули капитаны чёрной краски. Поплыли дальше.

Капитан Джон вёл корабль в тумане, но точно привёл его в Белое море. Зачерпнули капитаны белой краски. И поплыли к берегу.

Нашли они тихую бухту, бросили в ней якорь и пошли на лужок.

— Вот тебе, девочка, краски! — сказали шесть Иванов — шесть капитанов. — Извини, что нет зелёной. Но раз ты любишь рисовать, то знаешь, как её сделать из этих красок.

— Спасибо! — сказала Ленка. Она пожала на прощание руку Ивану, по-

Поплыли дальше.

Капитан Ян ловко среди рифов прошёл и привёл корабль в Голубую реку. Зачерпнули капитаны голубой краски. Поплыли дальше.

Капитан Хуан сквозь шторм корабль провёл, остановил его в Оранжевой реке. Зачерпнули капитаны оранжевой краски. Поплыли дальше.

жала Яну, пожала Хуану, пожала Жану, пожала Гансу, пожала Джону и стала рисовать лужок.

А капитаны ушли в свои страны. Ходят они по своим странам в тельняшках, называют комнату не комнатой, а кубриком, лестницу не лестницей, а трапом. Если нужно будет, они мигом соберутся вместе и поплывут на своём корабле.

АЙ ДА ГОРОД-ГОРОДОК!

Сергей ***ПОГОРЕЛОВСКИЙ***

Рис. ***М. УСПЕНСКОЙ***

Чудеса творятся, что ли?!
За ночь город вырос в поле!
Где ни тропок, ни дорог —
Вырос город-городок!

И какой такой народ
В этом городе живёт,
В домиках-вагонах,
В красных и в зелёных?

Сорок дружных трактористов
С поварихой голосистой —
Вот какой такой народ
В этом городе живёт!

Подымались трактористы,
Умывались чисто-чисто,
В степь широкую
С утра
Выводили трактора.

Пусто в городе и тихо
День весенний напролёт.
Только Варя-повариха
Варит,
Жарит
И поёт.

Звёздам в небе загораться —
Трактористам собираться
К полевому городку,
К золотому огоньку.

РЕБЯТА!

Заметили ли вы, что эти два рисунка отличаются один от другого? На втором рисунке птиц на

Вся — от края и до края —
Степь распахана большая.
— Ну, хозяюшка, скорей
Накорми богатырей!

Замер месяц в поднебесье,
Стихли горы вдалеке —
Ай да игры,
Ай да песни,
Ай да пляски в городке!

Ночь раскинулась на воле.
А за речкой в стороне
Ждёт невспаханное поле:
«Город, скоро ли ко мне?!»

Он уедет утром ранним,
Чуть засветится восток...
До свиданья,
До свиданья,
Славный город-городок!

небе больше, чем на первом, медведь поднялся на задние лапы, а на девочке с мячом другое платье. А что ещё не так? Напишите нам.

Рис. Л. СМЕХОВА

МОЛОТОК

Арсений СЕДУГИН Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Однажды, возвращаясь с улицы, я поднимался по лестнице и вдруг на подоконнике увидел молоток. Хороший молоток. Как раз то, что мне нужно было. В то время я очень много изобретал и строил.

Я строил дома, лодки, подъёмные краны и даже ракету. Я оглянулся по сторонам, схватил молоток, сунул его за ремень и скорее побежал домой.

Теперь молоток был мой. Стук в доме не прекращался целыми днями.

Но вот мама заметила в руках у меня новый молоток и спросила:

— Витя, откуда у тебя молоток?

— Нашёл, — весело ответил я.

— Где нашёл?

— На лестнице, — буркнул я.

И тут мама сказала очень серьёзно:

— Я прошу тебя, сейчас же напиши записку и повесь на том месте, где лежал этот молоток. Что надо написать, я думаю, ты догадываешься.

Я сел и написал записку.

А потом взял пузырёк с клеем и приклеил объявление на стену около того места, где нашёл молоток.

Через несколько дней за молотком пришёл электромонтёр нашего дома дядя Миша. Я в это время делал табуретку.

И как мама ни уговаривала дядю Мишу взять свой молоток, он не взял.

Он подарил молоток мне.

Этот молоток до сих пор живёт у меня.

РЫБАК И ЧЕРВЯК

Грицько БОЙКО Рис. В. КАНЕВСКОГО

— Ты давно, рыбак, рыбачишь
на Днепре?
— Я пришёл сюда на ранней
на заре.
— Где же рыба? — я спросил
у рыбака.
— Не ловил — учил я плавать
червяка!

Перевела с украинского
Екатерина СЕРОВА

В ЗИМНИЙ ДЕНЬ...

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Рис. И. ИЛЬИНСКОГО

Это было давно, в прошлом веке. В Петербурге.

Вы, наверное, знаете, что так назывался при царе Ленинград. Владимир Ильич жил тогда в Петербурге.

Однажды, в зимний день, Владимир Ильич пришёл на Путиловский завод. Знакомый инженер передал заводскому начальству, что вот, мол, учёный человек желает познакомиться, как производство поставлено.

Писарь в конторе написал на листочке:

«Разрешается г-ну Ульянову В. И. осмотр заводских помещений». Владимир Ильич поблагодарил и вошёл по пропуску в заводской двор, громадный, с множеством мастерских и цехов. Владимиру Ильичу понравились станки и машины в цехах. Умелость рабочих понравилась. Только уж очень истомлённые лица.

— Свет невесело жжём, чахоточными оттого и глядят, — сказал мастер.

Зимний вечер давно наступил. В сталепрокатной мастерской, которую Владимир Ильич в это время осматривал, горели керосиновые лампы, подвешенные к потолку на железных крюках. От их тусклого света все действительно казались серыми, будто больными. Мастер старательно показывал и объяснял господину посетителю работу в своей мастерской, приняв Владимира Ильича за начальство. Всё шло гладко, но под конец произошла неприятность.

— Это чего? — строго обратился мастер к молодому рабочему с круглыми, как у совёнка, глазами.

Рабочий подправлял щипцами стальную рельсину на прокате, а сам за обе щеки уплетал здоровенную краюху ржаного хлеба.

— Эт-то чего? — строже повторил мастер.

— Проголодаешься, хлебушка достать догадаешься, — смеясь, ответил рабочий.

— Зубы не скаль. С кем говоришь?

Рабочий нахмурился.

— Иди-ка ты, мастер, своей дорогой...

Мастер тоже похмурел.

— Грубости? Получай за грубости штраф.

И отошёл тяжёлыми шагами. Владимир Ильич последовал за ним. В каморке, заменяющей кабинет, мастер вынул из стола расчётную книжку рабочего. Штраф записать.

— Позвольте взглянуть, — попросил Владимир Ильич.

— Гм, гм!.. — откашлялся он, читая в книжке распорядок дня в сталепрокатной и других мастерских. «Время работы — двенадцать часов. Без перерыва. Рабочие для обеда домой не отпускаются».

— Как же не евши работать? — удивился Владимир Ильич.

— С собой харч из дому приносят.

— Однако вы его заругали за хлеб?

— Не грубиянь, — буркнул мастер. Но понял: господин посетитель против штрафа. Чудной посетитель!

«Бам-бом-бу-ум!» — забили по железному болту, который висел в мастерской вместо колокола. Во дворе тягуче загудели трубы: «Бросайте работу! Дневная смена кончилась!»

— Эй, Фёдор! — окликнул мастер рабочего, которого хотел наказать. — Прощён тебе штраф. Господину посетителю спасибо скажи.

Рабочий не оглянулся.

— Невежа! Милуй их, невеж! — со злобой выкрикнул мастер.

— Усталому да голодному не до вежливости, — усмехнулся Владимир Ильич.

В толпе сотен рабочих он вышел из заводского двора. Через час в Огородном переулке собирался кружок рабочих-путиловцев. Владимира Ильича ждали там. Впрочем, ждали Фёдора Петровича...

К вечеру стало холоднее. Острый ветерок покалывал щёки. Владимир Ильич поднял воротник.

«Работать в смену двенадцать часов, без обеда, а ещё тебя бьют штрафами. Вот жизнь!» — думал Владимир Ильич.

Он пришёл на кружок. Знакомый рабочий встретил его в сенях.

— Господину посетителю спасибо скажи! — услышал Владимир Ильич язвительный голос из комнаты. — Посетитель ушёл, а мне завтра новый штраф влепят!

«Сегодняшний случай обсуждают», — понял Владимир Ильич.

— Вполне возможно, и влепят. И ни за что ни про что! — сказал он, быстро входя в комнату.

Там за столом сидело человек пятнадцать. Ораторствовал молодой рабочий, по имени Фёдор, с круглыми, как у совёнка, глазами.

— Здравствуйте, тёзка, я Фёдор Петрович! — улыбнулся Владимир Ильич.

— Братцы, этот человек нынешний господин посетитель и есть, — сказал Фёдор и встал.

В комнате стало совсем тихо. И Владимир Ильич увидел в некоторых глазах угрюмость. Но он не огорчился, а, наоборот, был доволен.

— Хорошо, товарищи, что вы осторожны! — картавя, живо заговорил Владимир Ильич. — Вы, товарищ Фёдор, правильно суть ухватили:

«господин посетитель» ушёл, а мастер и хозяин остались. И по-прежнему будут душить штрафами.

Владимир Ильич говорил, а рабочие слушали. Внимательно слушали, потому что разговор шёл об их жизни и будущем. И Фёдор тихонько опустился на лавку и, не мигая, глядел на своего «тёзку».

— Как нам бороться? — говорил «тёзка», Фёдор Петрович. — Только так — соединиться в союз.

«Верно! Капиталистов в одиночку не осилишь. Вместе надо», — так думал Фёдор. И на душе у него стало отважно и весело. А Фёдор Петрович всё говорил, и рабочие с ним соглашались и до позднего вечера обсуждали программу борьбы против царя и хозяев.

Когда занятия кончились, Фёдор вызвался:

— Я вас провожу!

Круглые его глаза так и сверкали, уж очень интересны были занятия с Фёдором Петровичем!

Но Фёдор Петрович отказался:

— Нельзя меня провожать. Мы с вами революционеры. А если шпик на улице революционеров выслеживает? Сразу вдвоём попадёмся. Нет, разойдёмся по очереди. Конспирацию, товарищ тёзка, соблюдать надо. Что такое конспирация? Тайна. От шпиков, полицейских, от хозяев и мастера тайна, чтобы знать не знали о нашем союзе. Понятно?

И пальцем погрозил. В шутку, конечно. Но и всерьёз.

И они разошлись по очереди. Сначала один рабочий вышел из дома, второй, третий, а потом уж и Фёдор Петрович. Вы догадались, конечно, что Фёдором Петровичем Владимир Ильич назывался для конспирации, когда приходил к рабочим учить их революционной борьбе.

Он вышел на улицу и радостно вдохнул морозный воздух. Владимир Ильич был рад, что рабочие так жадно его слушали! И ещё он решил написать для всех рабочих статью о штрафах и о борьбе с капиталистами.

Владимир Ильич шёл и думал об этой статье, мысли его возбуждённо летели, как вдруг он увидел... Была светлая ночь. Ветер гнал по небу белые облака. Жёлтая луна ныряла в облаках, освещая каждый тополёк и скамейки вдоль Огородного переулка, пустого, ночного... Владимир Ильич увидел: по той стороне пере-

улка идёт человек. Прячется в чёрной тени домов и заборов. Владимир Ильич притворился, будто не замечает шпика, и продолжал спокойно идти, только быстрее. Послышался звон конки на Петергофском шоссе. Владимир Ильич прибавил шагу. Браво! Успел на конку! Но шпик тоже успел. Войдя в конку, Владимир Ильич бегло взглянул на него: тёмные очки, тёмные усики. Владимир Ильич сел впереди у самого выхода, поднял воротник и стал думать, как ему уйти от шпика. Ехать долго-долго до дому! Владимир Ильич притворился, что спит. Опустил голову. Конка качается, и Владимир Ильич покачивается из стороны в сторону. Думает, как уйти. Окна у конки замерзли, ничего не видно, где едут. Позади Владимира Ильича через две скамейки сидит шпик в тёмных очках, с тёмными усиками.

«Надо сойти за три остановки до дому. Только бы не пропустить, где сойти!» Владимир Ильич привалился к окну, будто спит, а сам дышит на стекло. Можно бы попросить кондуктора: «Называйте остановки, где едем». Опасно! Очень уж голос у Владимира Ильича приметный, картавый. Ничем нельзя себя выдать шпику! Конспирация!

Владимир Ильич надышал на стекле пятнышко. Скосил глаз и глядит. Недолго ехать осталось. Теперь и вовсе недолго. Следующая остановка... Вот и следующая. Остановились.

— Кому сходить? — спрашивает кондуктор.

Никому. Все молчат. И Владимир Ильич молчит, а сердце бьётся-бьётся. Лошади тронулись, дёрнулась конка, и тогда Владимир Ильич вскочил и выпрыгнул из конки. Побежал к проходному двору. Он знал этот двор, запомнил на всякий случай. Он бежал и слышал звон конки и крики. Вбежал в ворота, на секунду оглянулся. Конку остановили, шпик спрыгнул, глядит направо, глядит налево: ни человека на улице, ни огонька в окнах. И конка ушла.

Владимир Ильич через проходной двор вышел на другую улицу и благополучно вернулся домой. Квартирная хозяйка спала. Владимир Ильич на цыпочках пробрался в кухню, вскипятил на спиртовке чаю, достал хлеб. Он очень был голоден.

«Итак, на чём мы остановились, товарищи? — думал Владимир Ильич, попивая горячий чай с хлебом. — Ловко я шпика за нос провёл! — хохотнул он. — Мы остановились...»

Владимир Ильич поглядел на окно. Мороз разрисовал стёкла причудливыми ледяными цветами.

«Никто не даст нам избавленья, сами добьёмся свободы», — думал Владимир Ильич, щурясь на сказочные, белые, в синих искрах цветы.

Осенью 1893 года В. И. Ленин приехал в Петербург для революционной работы. Он руководил рабочими кружками, писал брошюры и книги против капиталистов и царя.

В Петербурге и других городах было создано Лениным много революционных рабочих кружков. Владимир Ильич решил объединить их в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он мечтал создать революционную партию всего рабочего класса.

Полиция выследила Ленина и в ночь на 9 декабря 1895 года арестовала Владимира Ильича и многих его товарищей. Владимир Ильич был заключён в одиночную камеру, но и там продолжал работать: писал партийную Программу, статьи и книгу о том, как надо рабочим бороться.

В тюрьме Ленин пробыл больше года, а потом был сослан в Сибирь, в село Шушенское.

СТРУСИЛ

К. КИРШИНА *Рис. В. ЧИЖИКОВА*

Был в младшем отряде мальчик. Он гордился тем, что его зовут Юрой. Как Гагарина!

Но вот я заметила: перестали его ребята по имени звать. «Эй, ты!» — и только.

— Почему так? — спрашиваю. — Все Шуры, Владики, Лёли, а он «Эй, ты!». С какой стати? Или случайно?

— Нет, — отвечают, — не случайно.

И ребята рассказали мне, что у них произошло.

Ушли старшие пионеры в поход, а младшие обиделись. «Никуда нас не берут. Всё сиди да сиди на своей площадке».

— Зачем сидеть? Давайте играть в разведчиков, — предложила вожатая Вера Петровна. — Посмотрим, кто найдёт самое интересное в нашем саду.

Отправились разведчики в разные концы сада. Юра и с ним ещё три девочки нашли... в заборе лазейку. И сговорились пойти в лес.

— Будет и у нас поход, — сказал Юра.

А лес — вот он, только просеку перебежать. Стоят деревья большие-пребольшие. В траве цветы, белые и жёлтые.

«Может, и ягоды есть», — сказала одна девочка. «И грибы», — добавила вторая.

Ни грибов, ни ягод не нашли. Зато набрели на поляну, где было много желудей. Гладеньких, блестящих, в круглых чашечках-половничках. Разве в лагере такое найдёшь? Обрадовались путешественники, начали набивать карманы.

Вдруг в кустах послышался шорох, треск. Ветки раздвинулись, и показалась длинная чёрная морда с ушами врозь.

Завизжали, закричали ребята в четыре голоса и бросились врассыпную.

Быстрее всех примчался в лагерь Юра.

— Там... там... зверь!.. Там наши девочки!..

И Вера Петровна, и нянечка, и повариха побежали к воротам. А девочки навстречу им с другой стороны идут.

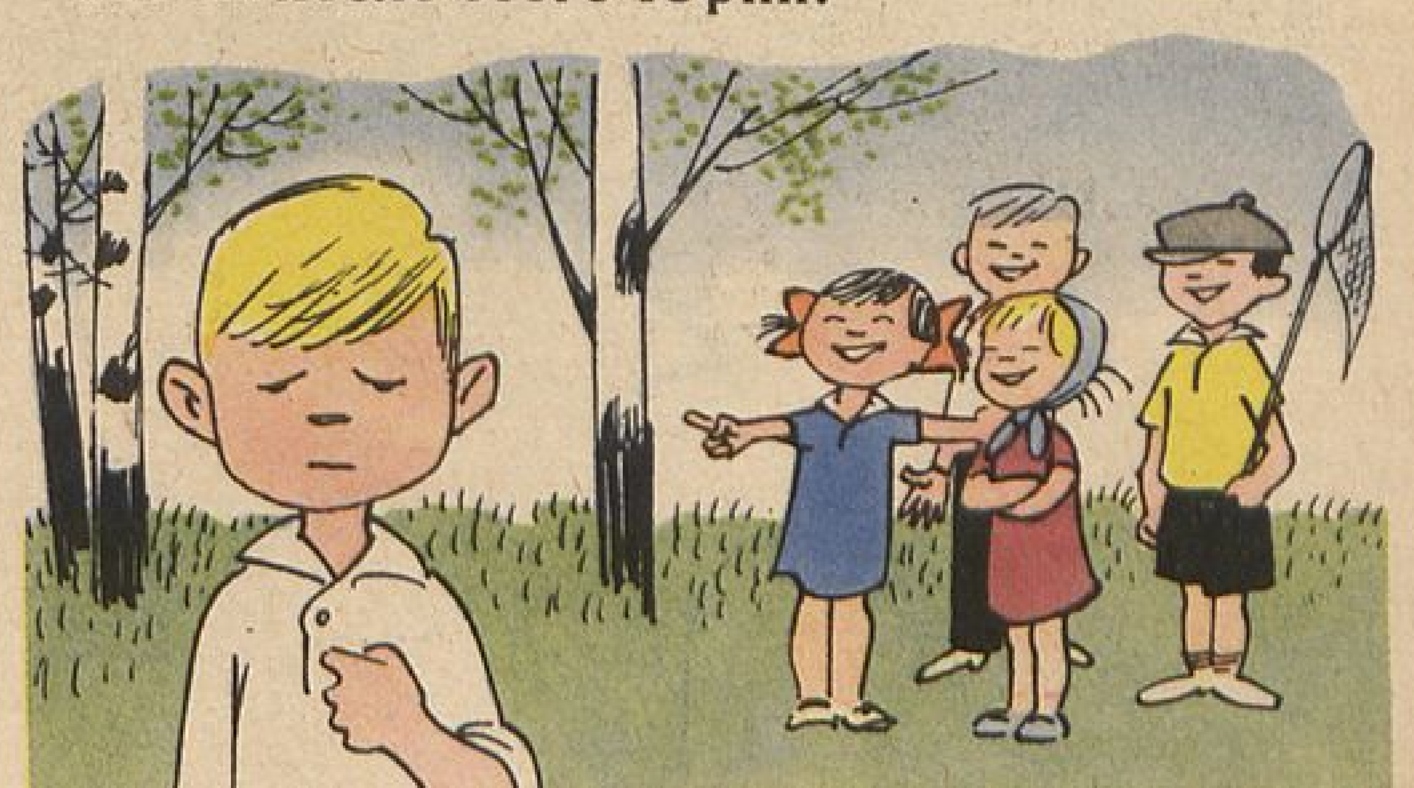
— Где были? Какой зверь? Что случилось? — посыпались вопросы.

— Да ничего. Только тётенька нас поругала. «Что это вы, — говорит, — от моей козы так шарахнулись? Перепугали бедное животное».

Был тут и смех и сердитый выговор: «Зачем ушли не спросясь?»

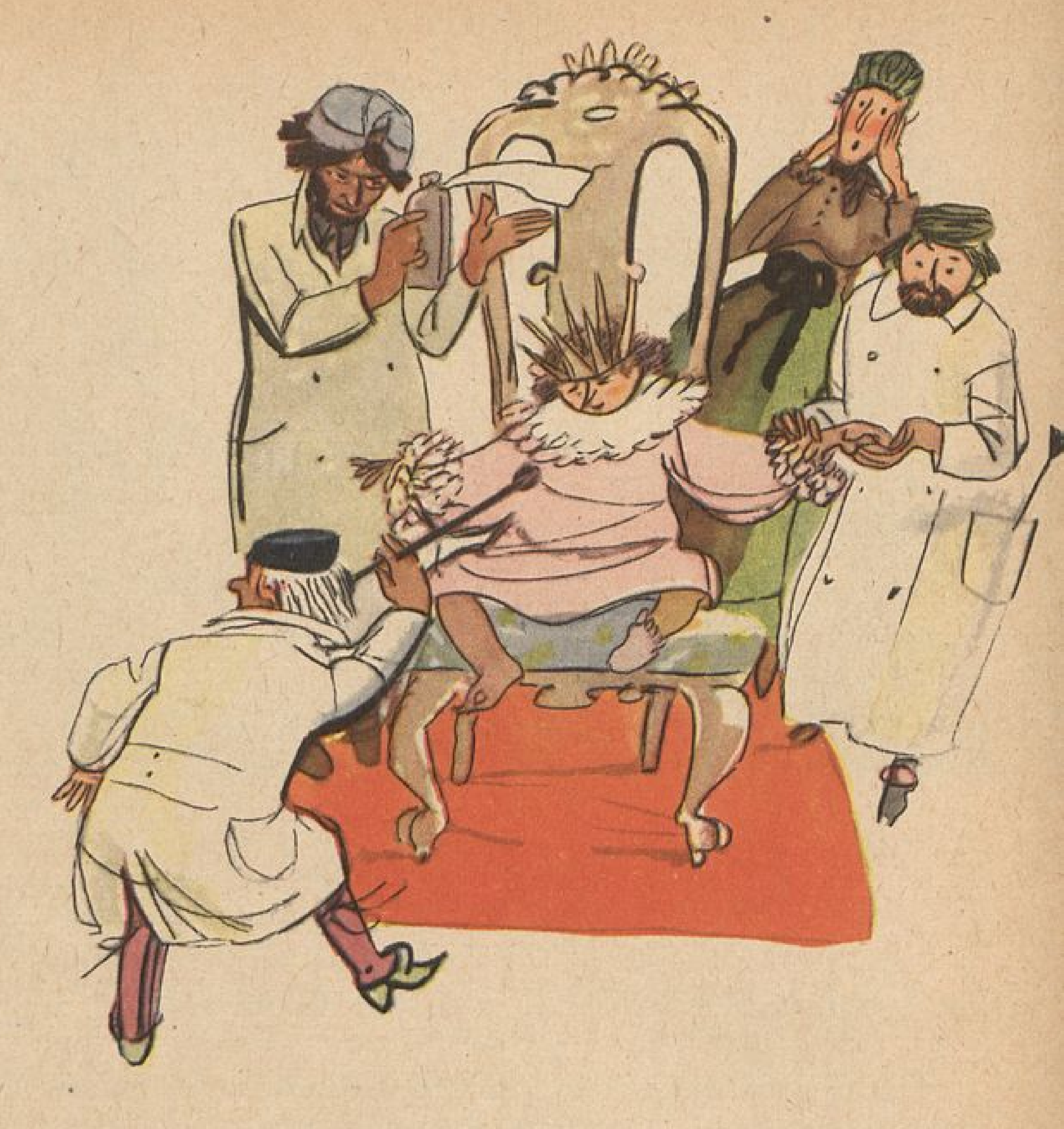
А потом вспомнили и про бойкого бегуна:

— Струсил! Девчонок бросил! Какой же он после этого Юрий?

СКАЗКА О ЦАРЕ ГУДОНЕ

Н. АРТЮХОВА *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

Жил да был
Царь Гудон.
Он гудел с утра,
И к нему со всех сторон
Мчались доктора.
— Отчего Гудон гудит?
Плачет царь Гудон?
Отчего с утра сердит
И невесел он?

— Ну-ка, высунь язычок...
Что-то беловат...
— Дай послушаем бочок...
Что-то хрипловат...

Вот
Встаёт
Царь Гудон,
Перестал зевать.
И к нему со всех сторон
Мчатся одевать.
Няньки, мамки встали в круг,
Принесли ушат,
Одевают в двадцать рук
И умыть спешат.
А Гудону всё не так,
Всё ворчит, чудак.
Мол, не так надет башмак,
И чулок не так!

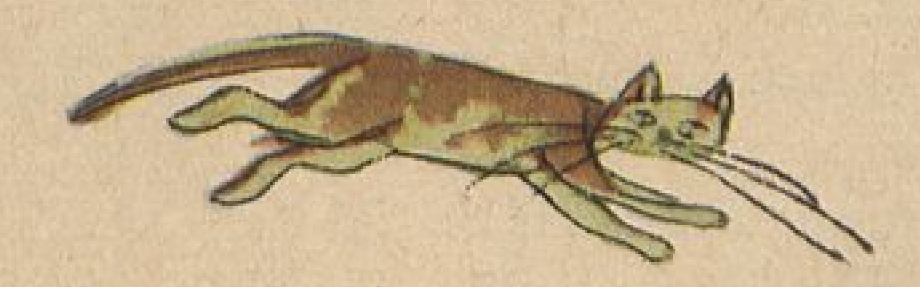
Сел обедать царь Гудон,
Самая пора.

И к нему со всех сторон
Мчатся повара.
— Почему гудишь опять?
Нехорош обед?
— Может, сахару подать
Для мясных котлет?
— Может, соли положить
В яблочный компот? —
Нелегко с Гудоном жить,
Много с ним хлопот.

Ходит он, гудит весь день,
То чулок порвёт,
То корона набекрень
С головы сползёт...

Спать ложится царь Гудон,
Весь от слёз распух.
Няньки, мамки с трёх сторон
Отгоняют мух.
И с четвёртой стороны
Стали б отгонять,
Но у самой у стены
Высится кровать.

Раз проснулся он чуть свет,
Сразу загудел.
Неумыт и неодет
Долго он сидел.
Слуги завтрак подают,
Оттолкнул он слуг.
— Не люблю я этих блюд! —
Рассердился вдруг.
— Разве это всё еда?
Ну её совсем!
Дайте жареного льда,
И его я съем!

ТОРОПЛИВАЯ ТРОПИНКА

В. ОРЛОВ

Торопливая тропинка
Держит путь издалека.
Вьётся по лесу тропинка,
Словно нитка из клубка.

Вот она оборвалась,
Потерялась
И нашлась,
Перепрыгнула
Пенёк,
Завязалась
В узелок.

Под кустами
У оврага
Столько петель
Наплела,
Что сама себя,
Бедняга,
Еле выпутать
Смогла.

Вот в клубок
Она свернулась,
Подремала
И проснулась.
Развернулась
В тот же миг
И пустилась
Напрямик
Через луг,
Наискосок,
Прямо к речке
На песок.

Через речку
Нет пути.
Как же речку
Перейти?
Подбежала тропка
К броду,
Задержаться
Не смогла.
Впопыхах вбежала
В воду
И нырнула
В чём была.

Ни следа
Не оставляя,
Пробежала
Под водой,
Из воды совсем сухая
Вышла на берег
Другой.

Если речку
Перейдёшь,
То опять её
Найдёшь.

Рис. А. КОКОРИНА

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ЗАВОД

Б. РЯБИКИН

Рис. Э. БУЛАТОВА, О. ВАСИЛЬЕВА

— Мой отец на самом главном заводе работает, — гордо заявил один мальчик. — Он автомобили делает. Грузовики, самосвалы.

— Не хвались, — сказал другой. — Часовой завод тоже главный. Мой папа там работает. Там все в белых халатах, как врачи...

— У меня папа главнее. Он дома строит.

Но какой завод самый главный?

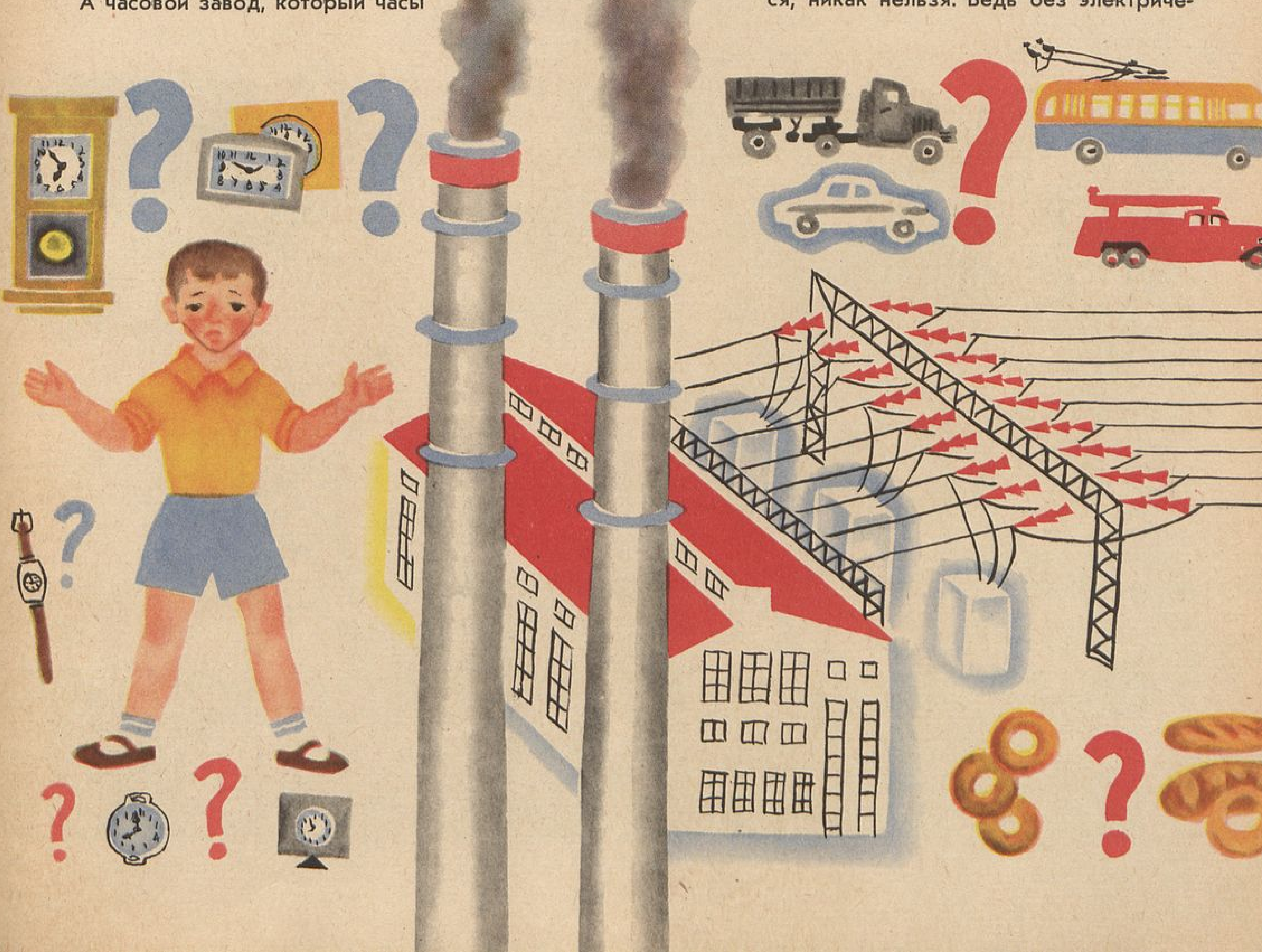
Может быть, и вправду автомобильный? Без машины не обойдёшься, это верно. Вот автобус проехал, повёз людей на работу. Крытые грузовики-фургоны товары развозят по магазинам. Звучит сирена — «Скорая помощь» мчится к больному... Всюду нужны автомобили. Выходит, самый главный — автомобильный завод? Нет, не он самый главный. Остановился автомобильный завод, перестал выпускать автомобили. Что ж, это не сразу все и почувствуют, не сразу узнают о случившемся.

А часовой завод, который часы выпускает? Конечно, если совсем не будет часов, то всё перепутается. Люди станут на работу опаздывать, в школу приходить не вовремя. Поезда пойдут без расписания, аварии начнутся, крушения... Всё это так. Но если часовой завод остановится не насовсем, а так, ненадолго, на несколько дней? Никто даже и не заметит. Нет, это не самый главный завод.

Самый главный завод не останавливается ни на минуту, ни на секунду.

Подойдём к нему поближе. Сейчас откроются ворота, и мы увидим, что будут вывозить с этого завода... Не открываются ворота. Тогда, может быть, нас пустят посмотреть на склад? Но на этом заводе нет складов. Всё, что выработано, сейчас же, сию же секунду и потребляется. Видишь, сколько проводов отходит отсюда...

Электростанция — вот как называется самый главный завод. День и ночь работает электростанция, без праздников, без выходных дней, без перерывов на обед. Нельзя ей останавливаться, никак нельзя. Ведь оез электриче-

ства ни один завод не может работать: ни автомобильный, ни часовой. Даже хлебозавод перестанет хлеб выпекать, если нет электричества. Трамваи остановятся, замрут электропоезда. И лампочки погаснут везде: и на заводах, и в школе, и дома.

Значит, чуть что случилось на станции, и весь город без света, без энергии? Жди, пока починят? Нет, это не так.

ТРИ ТАИНСТВЕННЫЕ БУКВЫ — ЕЭС

Необъятна наша страна... В Архангельске зима, снег, холодно, а в Ялте в это время люди в море купаются и загорают. В Ленинграде ещё темно, ночь, а в Иркутске уже солнце встало, день начинается. Утро наступает в Сибири на четыре часа раньше, чем в Москве или Донбассе. Юные сибиряки уже свою «Пионерскую зорьку» слушают, в школу собираются, а московские пионеры спят крепким сном, отдыхает столица.

Но электростанции московские не отдыхают, работают, как и днём. Только энергию им девать некуда. Как некуда? В Сибирь надо её отправлять, где уже утро, где начали работать все заводы и фабрики. Зато потом, к московскому утру, сибирские станции сполна возвратят свой долг. Ведь в это время в Сибири будет уже середина дня, на заводах начнутся обеденные перерывы, энергии потребуется меньше.

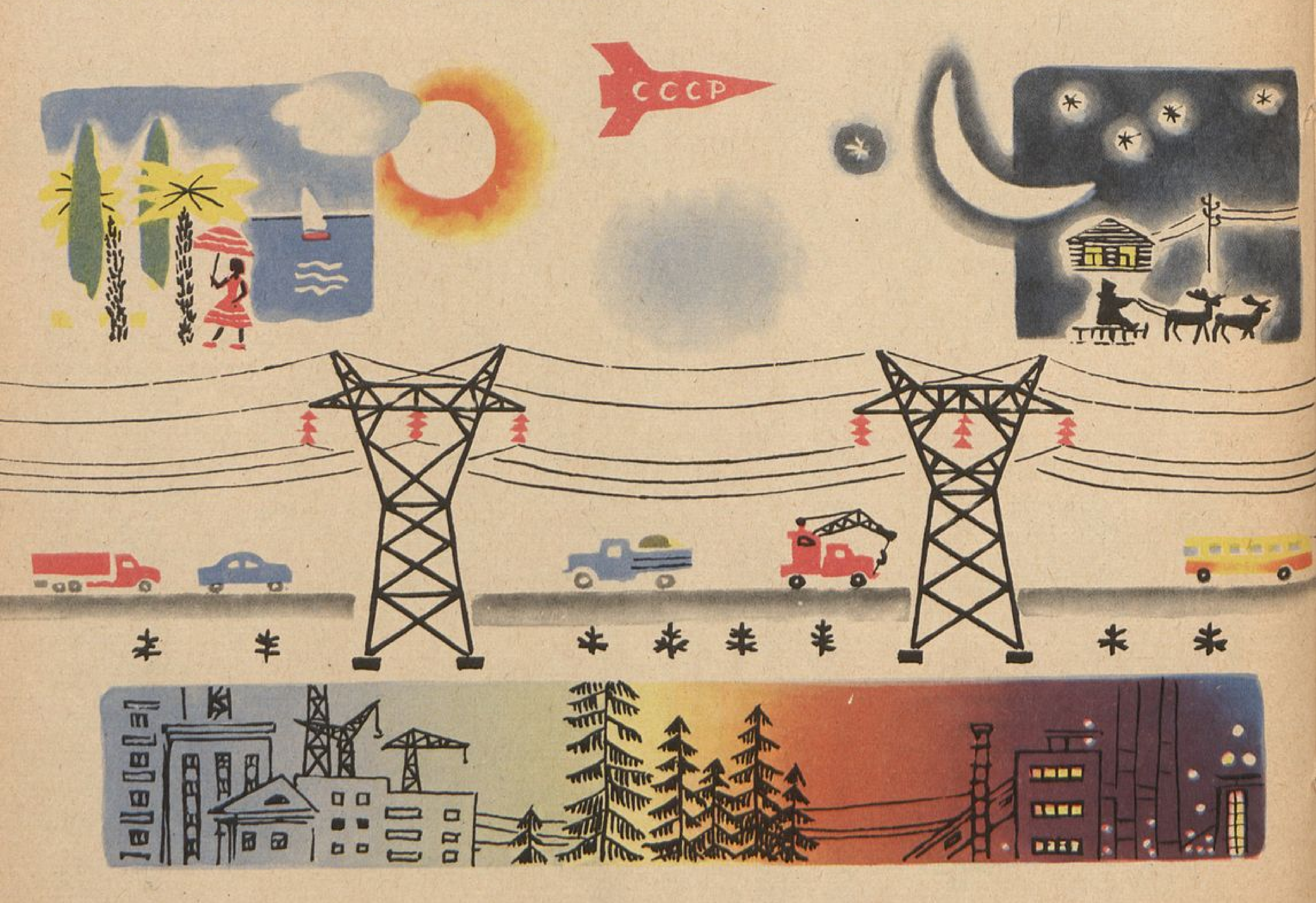
Случается, что печенье или, к примеру, конфеты в одном городе вкуснее, чем в другом. Может быть, и слаще немного. А вот электричество везде одинаково, где бы оно ни родилось: на Волге или на Енисее, на тепловой или атомной станции. Попробуй угадать, от какой именно станции горит лампочка в твоей комнате или работает станок на заводе, — никак нельзя угадать. Общее у нас электричество, государственное. И таким общим, государственным его делают... три таинственные буквы: ЕЭС. Что это за буквы? Что они означают?

Три слова скрыты за этими буквами: Единая энергетическая система.

Многие станции соединяются в Советском Союзе в одну общую, единую. Электрической энергии легко путешествовать по линии ЕЭС в любое место, где она нужнее.

По доброму, хорошему правилу работают электростанции Советского Союза: «Один — за всех, все — за одного».

А вот в капиталистических странах — другое. В Америке, в городе Чикаго, однажды взорвалась паровая турбина на крупной электростанции. Вся станция вышла из строя. И ни одна из соседних электростанций не помогла ей, так и оставила в беде. Огромный город Чикаго

с крупными промышленными предприятиями оказался без света, без энергии.

«Ведь взорвалась не своя, а чужая электростанция, — рассуждали владельцы работающих станций. — Зачем же мы чужим помогать будем?»

НАШИ ПОМОЩНИКИ

В старой сказке рассказывается, как злая мачеха невзлюбила падчерицу и мучила её непосильной работой. Девочка и горницу должна была убирать, и бельё стирать, и хлеб печь, и детей забавлять. Плакала девочка, не успевала всего сделать. Со страхом ждала гнева мачехи... Но появлялась добрая фея, махала своей волшебной палочкой, и невидимые слуги мигом исполняли все дела. Кто были эти слуги, в сказке не говорится. Но работали они так же хорошо, как теперь работают на нас наши электрические помощники.

Стиральная машина — наша прачка. Пылесос — электрическая уборщица. Электрическая плитка приготовит обед, а холодильник — мороженое. Если тебе жарко, включаешь вентилятор, а если холодно, поможет электрокамин. А вот и парикмахеры — электрическая машинка для стрижки волос и электробритва... Уф, кажется, ничего не пропустили. Нет, пропустили. Забыли про радиоприёмник и телевизор, магнитофон, электрическую швейную машину, электроутюги и электрополотёры... Так много теперь у человека помощников, что сразу всех и не припомнишь.

ЧУДЕСНАЯ СИЛА — ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

...Собрались как-то ребята во дворе. Заспорили. Какое такое электричество? Кто видел? Кто знает?

Один сказал:

— Электричество светлое. Все лампочки светят.

Другой сказал:

— Нет, электричество и холодное бывает. Холодильник, ведь он от электричества работает.

Загудели ребята кругом:

— А мы ездили к бабушке на электричке. Быстро-быстро. Значит, есть такое электричество. Быстрое.

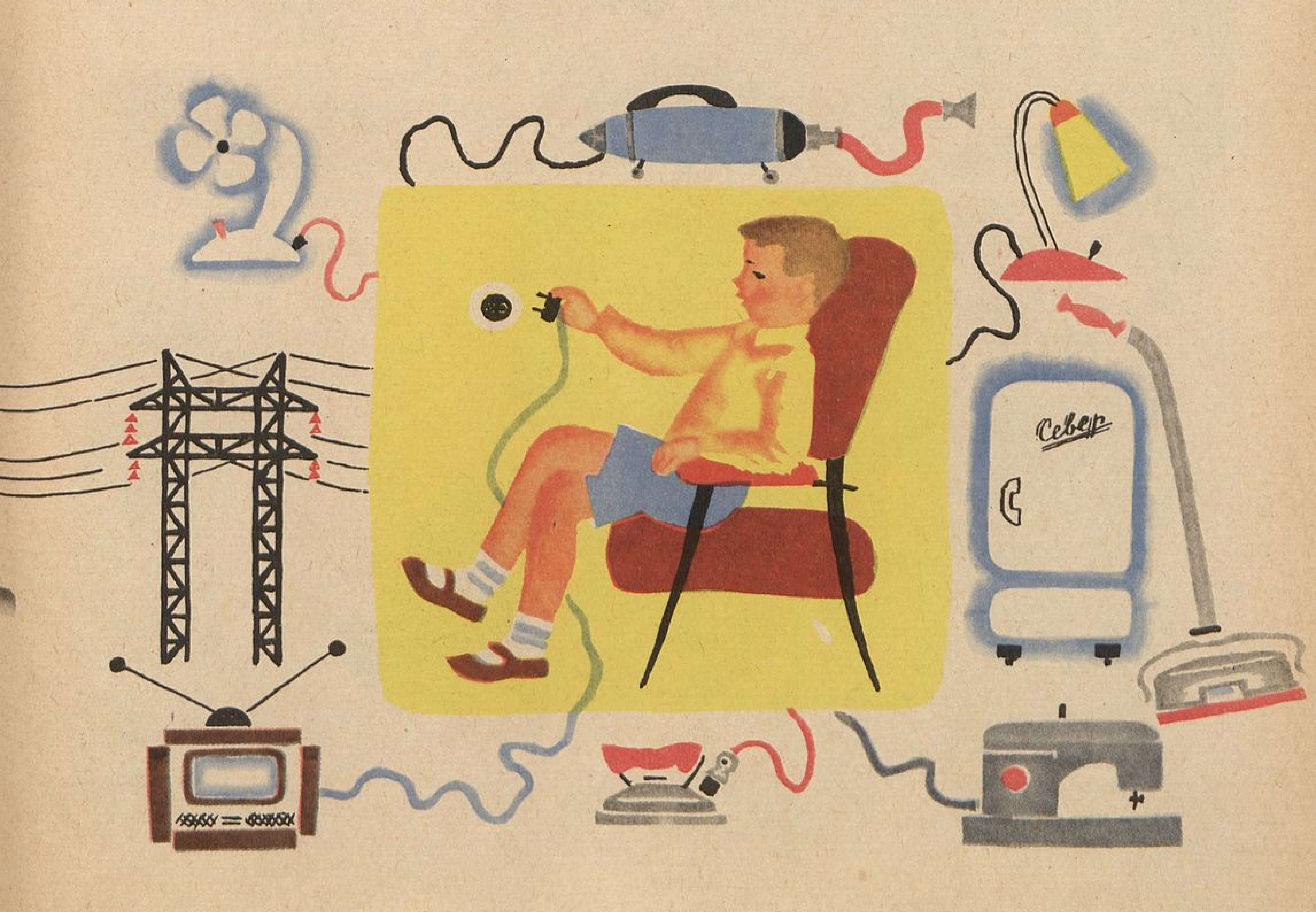
— Я знаю. Сам пробовал. Лизнул батарейку от карманного фонаря. Солёное электричество!

— А по-моему, электричество красивое. Вот вчера папа включил телевизор, и он стал нам «Лебединое озеро» показывать...

Кто же прав из ребят?

Все правы!

Чудесная сила — электричество.

МЫ носим ПОДАРКИ

З. АЛЕКСАНДРОВА Рис. А. БРЕЯ

Котята голодные
Жалобно плачут:
Уехали в город
Хозяева с дачи!

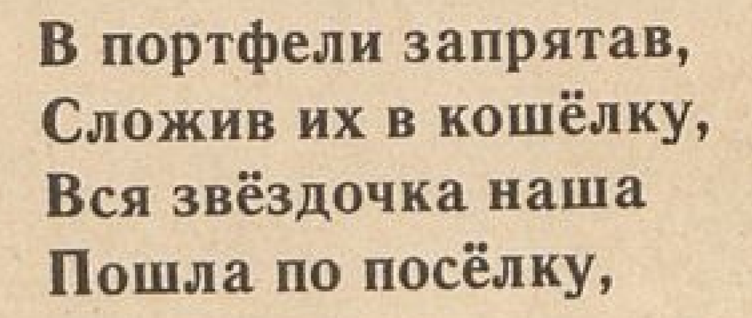
И к людям в посёлок,
Где топятся печки,
Приходят они
И кричат на крылечке.

— Откройте нам двери,
Пустите погреться.
Пустите погреться,
Нам некуда деться!
Отрежьте, как в сказке,
Кусочек колбаски.

Но кошек своих
Развелось уже много,
И веник лохматый
Их гонит с порога,
Срываются следом
Большие дворняжки:
— А ну, убирайтесь отсюда,
Бродяжки!

Подходит зима,
Беспризорникам горе.
И вот октябрята
Решили на сборе:
— Мы взяться должны
За охрану природы.
Котята погибнут
От непогоды!

Собрали ребята
Котят беспризорных,
И рыжих, и белых,
И серых, и чёрных.

В портфели запрятав,
Сложив их в кошёлку,
Вся звёздочка наша
Пошла по посёлку,

Мы в двери стучали,
В калитки входили,

В подъезды звонили,
Товар свой хвалили.

— Возьмите котёночка,
Дядя Серёжа,
Глаза у него
На крыжовник похожи.
Хороший охотник он,
Смелый и ловкий,
Себя он прокормит
Мышами в кладовке!

— Гражданка,
взгляните,
Сибирская кошка!
Как жаль, что она
Похудела немножко!
Мы денег не просим,
Дадим её даром...
У вас уже есть?
Ну так будет их пара.

— Бабуся, откройте.
Мы носим подарки.
Вам котик достался.
Он чёрный, немаркий.
Откройте, возьмите
Подарок для внука.
Без кошки в квартире
И мыши и скука.

Не зря мы стучали,
Не зря мы ходили.
Хорошие люди
Котят приютили.

В конторе,
в столовой,
В палатке,
в сторожке
Мурлыкают сонно
Спасённые кошки.

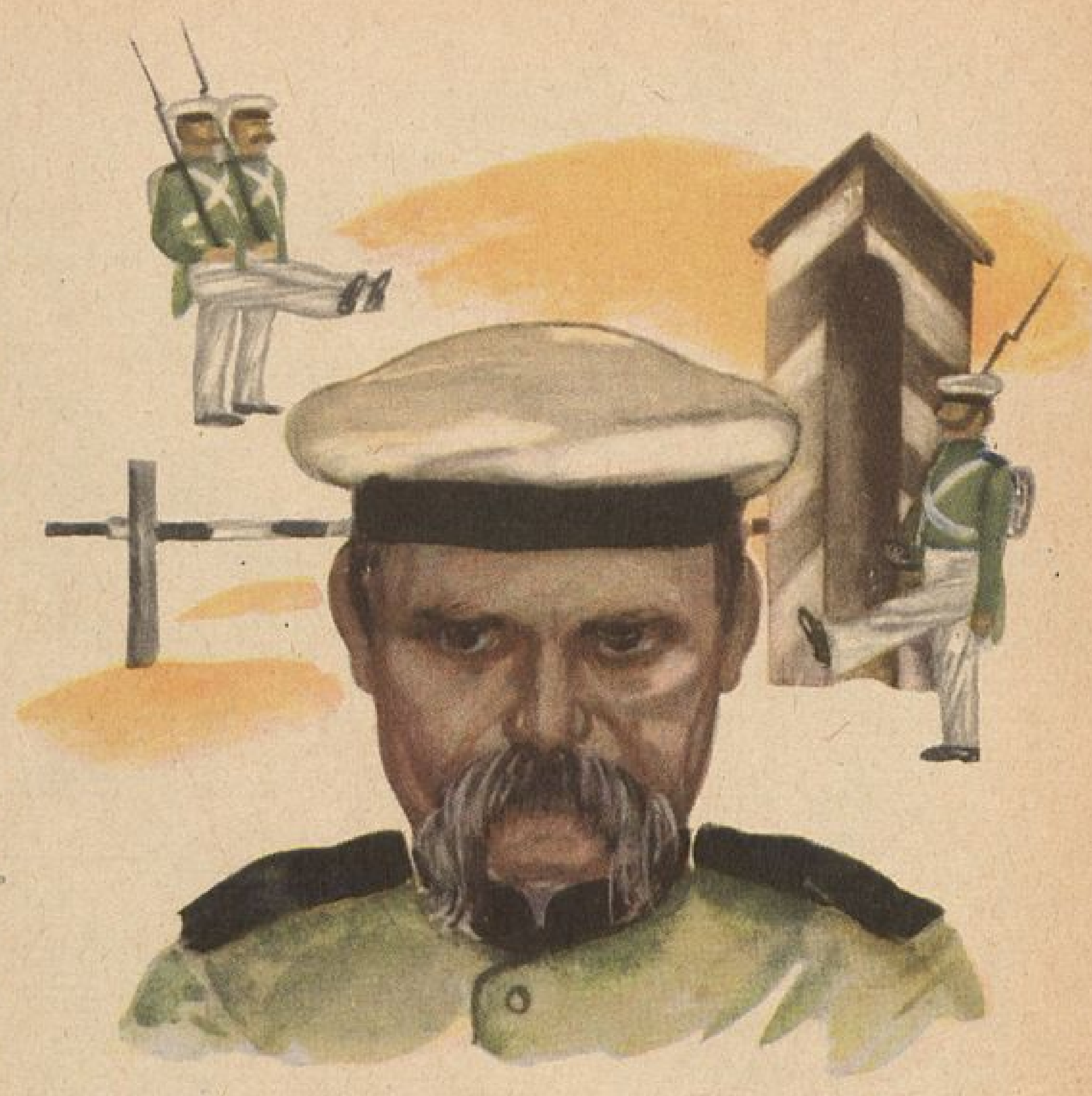
Теперь мы рисуем
И пишем плакаты,

Чтоб кошек своих
Не бросали ребята.
Зимой не нужна —
Не бери её летом.
Пусть знают, пусть помнят
Все люди об этом!

ГОРИЧ

Александр ПАРХОМЕНКО *Рис. Н. УСТИНОВА*

В этом году весь мир торжественно празднует 150-летие со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко.

Тяжёлой была жизнь великого украинского поэта: до двадцати четырёх лет он был крепостным, десять лет страдал в царской ссылке.

Т. Г. Шевченко любил простых трудовых людей и всю свою жизнь боролся против самодержавия.

Солёные морские волны лижут горячий берег. А если стать близко, они и ноги лижут и словно щекочут. Наташа смеётся от щекотки, играет с волной.

Сверху, со скалы, что почти отвесно сбегает к морю, образуя стену крепости, девочкой любуется суровый солдат. Он стоит на часах у флагштока. С востока, из Каракумов, веет сухой, горячий ветер. Внизу тяжело дышит разморённый жарой Каспий... На берегу, там, где Наташа, не так жарко, как на этой ракушечной глыбе, — ступаешь по ней, словно по раскалённой сковороде.

Через четверть часа смена караула. Но как нестерпимо медленно тянется время!

— Го-о-рич! — уже в который раз окликает солдата Наташа. — Скоро?

Солдат подходит к краю обрыва, оглядывается вокруг — нет ли поблизости кого-нибудь из начальства — и тихонько отвечает:

— Скоро, скоро, моя голубка... Вот только вахту отстою, подожди немного.

Наташа, когда была совсем ещё маленькой, прозвала солдата Горичем, потому что не могла выговорить Григорьевич, да и теперь так его зовёт. А Тарас Григорьевич грустно улыбается своей маленькой подружке, кивает головой.

— Да, да, детка... Горич... Может, и правда горе отцом мне доводится, иначе не горевал бы я в этом забытом богом краю.

И Наташе становится жалко Горича. Слышала она от мамы, что много лет тому назад отдал его царь в солдаты, сослал в пустынный закаспийский край. А за какую провинность?.. Не сказали Наташе, что Горич за бедных людей заступался, хотел, чтоб жилось им лучше. Разве могло это понравиться царю? А ведь Горич добрый-добрый. Если нет на плацу учения и не надо стоять на часах, он приходит к Наташе. Она тут близко живёт с папой и мамой. Горич ей сказки рассказывает, песни поёт. Но больше всего любит Наташа вместе с ним поливать огород.

Охотно ходил туда Тарас Григорьевич, каждый раз отдыхал душою. Вот уже несколько лет, с тех пор как комендантом Новопетровской крепости стал Ираклий Усков, Наташин отец, и дал ссыльному вздохнуть свободнее, ухаживает и заботится Горич об этой земле. И Наташа с ним вместе.

Вот и сегодня долго прождала она, пока сменится Горич с поста и сходит за лейками. Наконец дождалась.

— Пойдём.

— Ой, пойдём!

Поливать огород надо было ежедневно. Скудная земля жадно поглощала воду и никак не могла напиться. Но Горич с Наташей взялись напоить её, заставить родить. Месяц тому назад обработали они огород: посеяли горох, сою, редиску. Горич копал землю, а Наташа протыкала палочкой лунки и клала по зёрнышку. И вот теперь всё-то зазеленело, а редиска выросла с добрую вишню!

Воду носили из родника, что журчал, пробиваясь из-под скалы, и тёк к морю. Шагая следом за Горичем, девочка хрустит свежей редиской, щебечет:

— И вербы польём?

— И вербы.

— А зачем вербы поливать?

— Чтоб росли большие да груши родили.

— Груши? — смеётся Наташа. — Такого не бывает!

— Не бывает, — соглашается Горич. — Зато вырастут они большие, и станет в пустыне тенисто. Вот мы и украсим немножко землю. Придёт человек, замученный жарой, сядет в холодке отдохнуть и спасибо нам скажет. Верно, Наташа?

— Правда, правда, — хлопает Наташа в ладоши, хватает свою лейку и снова спешит к роднику...

Наташа не помнит, когда посадил Горич на огороде эти вербы. Он говорит, что давно. А шалаш под вербами они строили уже вместе. В шалаше не так мучила жара, и Горич в нём часто что-нибудь пишет или рисует. Тайком, конечно, потому что царь запретил ему писать и рисовать. Но Наташа этого не знает. Не знает она и о том, как тоскует Горич по родному краю, по Украине, только вербочки и напоминают ему о ней.

Полили они огород. Наташа сушит на солнце платье, потому что всё залила, а Горич отдыхает на скамейке, врытой в землю у шалаша. Высохло платье, мама и не узнает, что оно было мокрое. Улыбнулась Наташа Горичу и хотела было залезть в шалаш. Но вдруг замерла у входа и не могла вымолвить ни слова, только смотрела большими глазами и махала рукой Горичу.

— Что с тобой, дитя?

— Там... там, — бормотала Наташа, указывая на шалаш, — там кто-то есть...

— Кому же там быть? Уж не домовой ли завёлся в нашем шалаше? — Горич встал со скамейки и заглянул в шалаш.

Там, в полутьме, лежал мальчуган, вытянув босые ноги с потрескавшимися пятками. Спал.

Горич посмотрел на растерянную Наташу и тихо засмеялся. Потом взял былинку и слегка пощекотал ногу мальчугана. Тот сразу отдёрнул её, раскрыл глаза и сел. Испуганно смотрел он на усатого солдата и девочку. Наверно, со сна не мог сообразить, где он и что с ним происходит.

Тарас Григорьевич понял: в шалаш забрался отдохнуть, находившись за день, байгуш — нищий из соседнего казахского стойбища, кибитки которого виднелись за холмом в степи. Частенько оборванные дети кядеев, бедных казахов, приходят в крепость чего-нибудь выпросить у солдат.

Участливо смотрел Горич на полуголого смуглого мальчонку и улыбался ласково и грустно. Может, ему вспомнилось босоногое, безрадостное детство — то далёкое время, когда самому ему едва не пришлось с сумою ходить под окнами. А Наташа, оправившись от испуга, вела себя как строгая хозяйка.

— Ты зачем забрался в шалаш?

Испуганный маленький байгуш молчал.

— Ты кто такой? А?

Но спрашивать было напрасно — мальчик не понимал Наташиной речи. Он лишь поглядывал то на Наташу, то на усатого солдата, словно просил у него защиты от злой девчонки, что жужжала над ним, как оса.

— Не годится, Наташа, так разговаривать с гостем, — заговорил вдруг Тарас Григорьевич. — Видишь, как он, бедный, перепугался.

Он погладил мальчика по голове, ласково улыбаясь: нечего, мол, бояться, никто тебе никакого зла не сделает.

Помолчал немного и обратился к Наташе:

— Хоть редиски бы ему нарвала, хозяйка. Может, с самого утра во рту ничего не было у бедного ребёнка.

Дважды просить девочку не пришлось. Мигом бросилась она к грядке, ведь не была Наташа ни злой, ни жадной.

Байгуш тем временем встал, натянул на голову старенький малахай, что-то пробормотал, показывая рукой в сторону стойбища, и собрался, видно, уйти. Но усатый солдат взял его за руку, подвёл к лавке.

— Посиди, обожди.

Мальчик доверчиво поглядывал на Тараса Григорьевича и с любопытством ждал, что же будет дальше.

Наташа нарвала редиски, помыла её в лейке, положила на лавку. И сама села рядом.

— Бери, ешь...

Байгуш взял несколько красных редисок, разглядывал их, перекладывал из одной руки в другую, — должно быть, не знал, что с ними делать, потом протянул Наташе.

Девочка пожала плечами, а Тарас Григорьевич, сидевший под вербой, посоветовал:

— Покажи ему, Наташа, что делают с редиской, а то хлопец, верно, впервые видит её.

Дети договорились быстро. Через минуту они уже хрустели редиской, потешно морщились и смеялись. Наташа даже узнала, как зовут мальчика. Показывая на себя, она говорила своё имя, затем, тыкая пальцем в грудь гостя, спрашивала:

— А ты кто? А ты?

Смышлёный мальчуган живо догадался, чего от него хотят.

— Чокан, — ответил он.

— Чокан... Чокан! — повторила Наташа. — Горич, его зовут Чокан! — радостно кричала она.

— Жакси, Чокан, — подымаясь, похвалил мальчика Тарас Григорьевич. — Вот и есть у тебя ещё один друг, — обратился он к Наташе. — Но пора и домой, совсем свечерело. Прощайся с Чоканом.

Тарас Григорьевич взял лейки. Наташа поднялась со скамейки, положила гостю в мешок оставшуюся редиску, показала рукой в сторону стойбища.

— Иди, Чокан, до свиданья!

Чокан понял. Благодарно глянул на Горича и Наташу, поклонился и зашагал с огорода. Наташа махала ему вслед рукой.

— Приходи ещё! Скоро горох поспеет.

Горич, одобрительно кивнув Наташе, сказал:

— Ну, пойдём, умница моя, пора уже.

Идти было легко и весело. Красное, горячее солнце нырнуло в море, жара совсем спáла.

Перевела с украинского
Вера КАРАСЁВА

Кто самый меткий?

Н. СТУДЕНЕЦКИЙ

Интересную игру затеяли ребята у себя во дворе. Выбрали место поровнее и острой щепочкой начертили пять кругов — один в другом. Получилась фигура, похожая на стрелковую мишень, только очень большую.

В такую мишень, нарисованную на земле, очень удобно камешки бросать. Камешки должны быть плоские, чтобы ложились плашмя, не катились. А ещё лучше пригодились бы маленькие мешочки, туго набитые песком. Мешочек тем хорош, что где упал, там и лежит, не отскакивает в сторону.

Не бывает игр без правил. И в этой игре ребята такие правила установили:

1. Кто с пяти бросков больше всех очков наберёт, тот выиграл.

2. Кто три раза выиграет, тот становится чемпионом двора (по этой игре, разумеется).

А счёт по очкам ведётся так: если попал твой камень в «яблочко», то есть в центральный круг, самый маленький, и остался в нём, получай за это 5 очков; каждое попадание в следующий за «яблочком» пояс приносит 4 очка; средний пояс даёт 3 очка; предпоследний — 2, и последний, самый большой, — 1 очко. Если же камень выскочил из мишени, то за такой бросок, понятно, ни одного очка не полагается.

Хвост — голова

Эта игра старая, в неё ещё бабушки ваши играли. Станьте друг за другом и положите обе руки на плечи впереди стоящего, как показано на нашем рисунке. Первый в шеренге — голова, последний — хвост. Голова бежит за хвостом и старается его поймать. Как только ей это удаётся, хвост становится головой и ловит последнего в шеренге. Игра идёт быстро и весело. Обязательно поиграйте в неё, ребята.

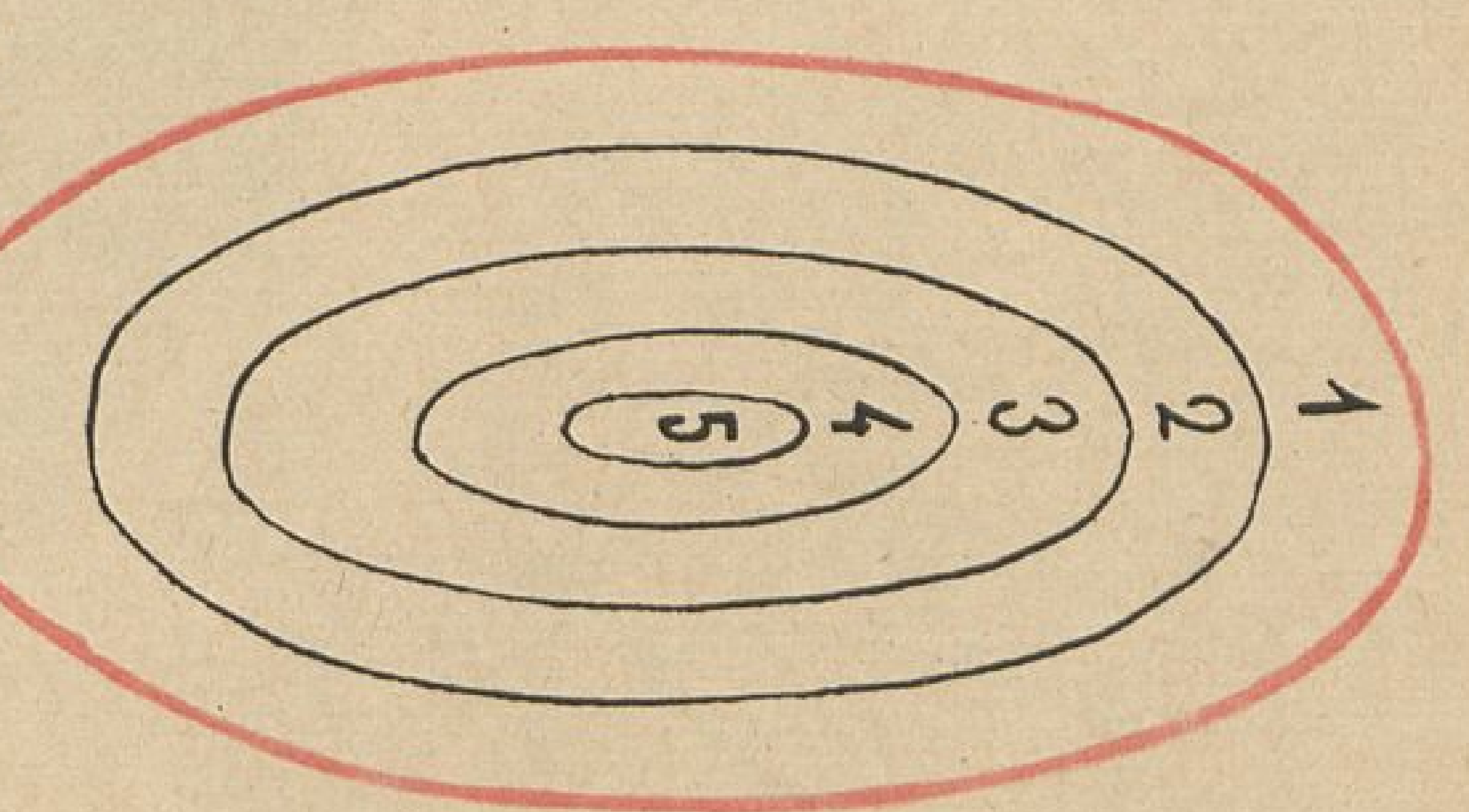

Рисунок на обложке Т. ЕРЁМИНОЙ

Редактор **А. МИТЯЕВ**

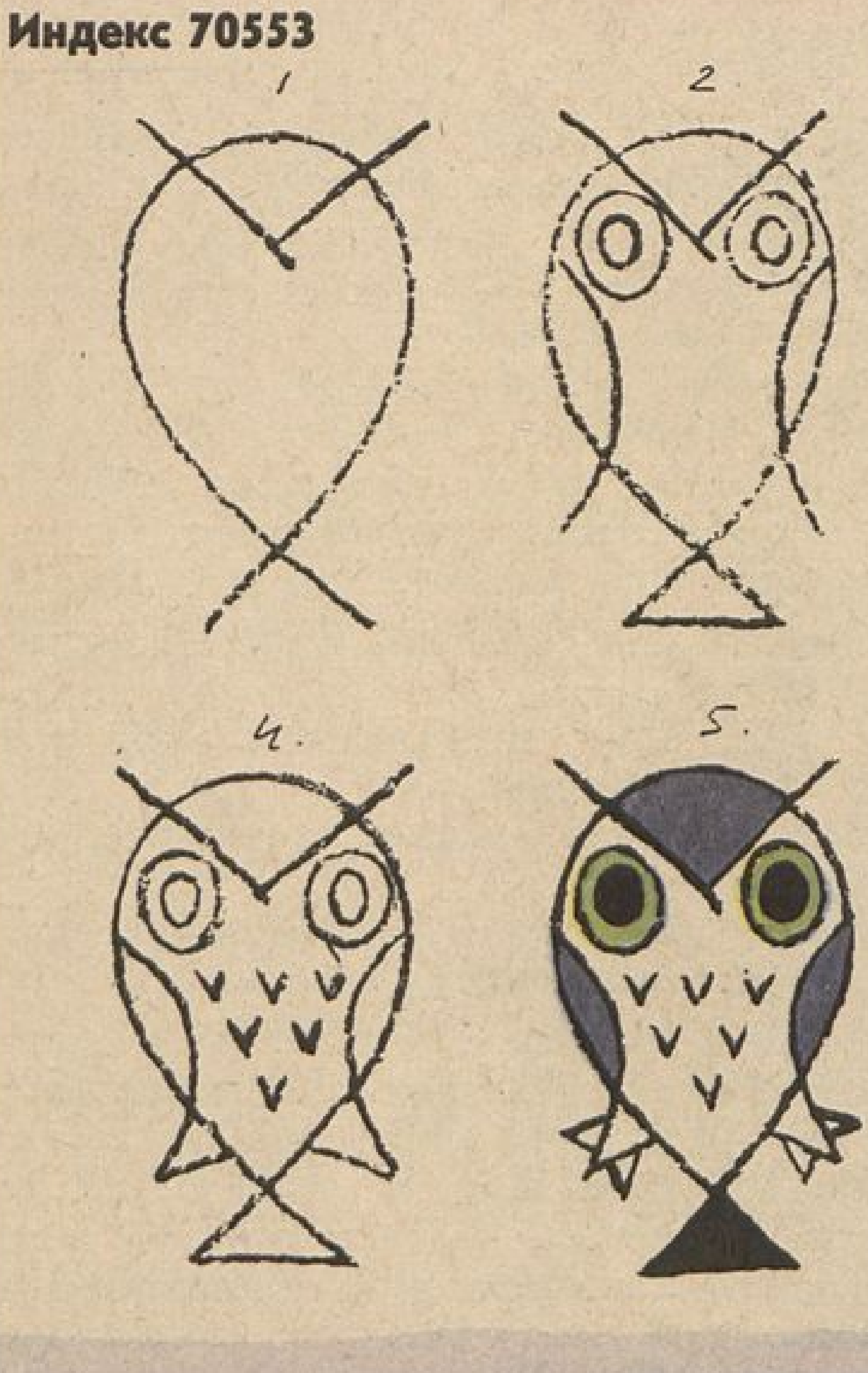
Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв.**

Художественный редактор **Ю. Молоканов.**
Технический редактор **В. Лубкова.**

Год издания сороковой. Цена 10 коп.
Подп. к печати 9/V 1964 г. Бумага 60×90¹/₈. Печ. л. 3 (3).
Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 689.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

Индекс 70553

Птичка, кошка, сова и рыбка, нарисованные здесь, получились из этой фигуры.

Вырежь её, положи на чистый лист бумаги, обведи карандашом и сам придумай новые рисунки.

Рис. Л. ТОКМАКОВА